

Николай БОНДАРЕНКО

Московская
область

Николай Алексеевич Бондаренко родился в 1938 году в г. Ташкенте. Автор поэтических книг «Рваное облако», «Ветер времени», «Последний хадж из Петербурга в Апраксино», «Високосная радуга», «Болдинский листопад», фантастического романа «Бег свободных Кентавров», красочных книжек для детей «Синеглазка, три брата и лютый Змей», «Лягушонок и лягушечка Ква-ква» и др. Член Союза писателей СССР (1978 г.) и России. Живёт в Подмосковье.

ИСПЫТАНИЕ РИФМОЙ

Фантастический рассказ

Над вымыслом слезами обольюсь.

А. С. Пушкин

Но я люблю – за что, не знаю сам...

М. Ю. Лермонтов

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Школьная подруга моей жены, учительница Светлана Васильевна, привезла из Петербурга помятую густо исписанную тетрадку, которую подняла во дворе возле мусорных баков. «Кто-то выбросил, – объяснила она. – Мне показалось – избавились напрасно. Я не всё поняла, здесь о стихах, о поэтах, в каком-то странном лабиринте. Но тот, кто написал, человек интересный, из прошлого века – значит, история, а историю нужно беречь. Посмотри, может быть, ошиблась...» Не откладывая в долгий ящик, находку Светланы Васильевны я прочитал и решил вынести на беспристрастный суд читателей.

Мне по жизни страшно везло. Даже предположить невозможно: простого шоферуго, который даже десятилетку не закончил, приняли в Союз писателей! На съезде творческой молодёжи я всего-навсего прочитал стихи, посвящённые друзьям по армейской службе, да спел под

гитару несколько песен собственного сочинения. Меня, впрочем, охотно печатала молодёжная газета, это, наверное, добавило шансов. Вот и результат – представляете, я не кто-нибудь, а профессиональный писатель! Мне на радостях в качестве премии вручили путёвку в санаторий – отдыхай и вдохновляй своим творчеством тружеников города и села. И опять удача – близко знакомлюсь с красавицей из Ленинграда, с помпой переезжаю в знаменитый исторический центр. Хожу по улицам, площадям, стараюсь вживую представить ушедшую быль. В один из редких солнечных дней добрался до Литейного; после экскурсии на Мойку, 12, к Пушкину, захотелось посетить Дом Николая Алексеевича Некрасова, которого, скажу откровенно, почитал особенно. В голове навязчиво закрутилось: «Отец, слышь, рубит, а я отвожу...» Ладно, рубим дальше.

На Литейном, до музейной квартиры немного осталось, вдруг вижу перед собой высоченное сооружение в виде бутылки. На этикетке засверкали буквы – «Литературный лабиринт». Чуть пониже вывеска:

*Не обидься. Ты пока не Пушкин.
Не Толстой. Не Шолохов пока.*

Размышляю: а чего, собственно, обижаться? Всё абсолютно правильно. Но почему – пока? Второго ни Пушкина, ни Толстого, ни Шолохова не будет... Следующая вывеска заставила задуматься:

*Кто хоть раз назвал себя поэтом,
Тот всю жизнь в долгу перед людьми.*

Странно. Сам себя я никогда не называл поэтом, называли другие... О каком долге идёт речь? По-моему, долг один-единственный – хорошо пиши...

– Интересуетесь? – прозвучал за моей спиной красивый баритон. – Великолепный аттракцион – «Пойдёшь – не вернёшься». Если начал сочинять – всё, ты погиб. Но для тех, кто возвращается, – вселенский приз: полное собрание сочинений! На все века.

– У меня всего две тетрадки, – смущённо говорю я и во все глаза смотрю на человека, наряженного под Александра Сергеевича: чёрный цилиндр, волнистая накидка, прогулочная трость... Даже знаменитые бакенбарды! Но это, увы, не Пушкин.

– Ну так что? – спрашивает наряженный. – Полезешь в бутылку? Рискнёшь?

Я, да не рискну?! Где наша не пропадала! И собрание сочинений будет!..

– До скорой встречи! – бросаю тому, кто в цилиндре, и берусь за холодные металлические перекладки – предо мной лестница в несколько этажей. Усердно работаю ногами, карабкаюсь, а ступеньки налезают, не хотят заканчиваться... Зверски устал, на секунду замер – и опять, уже с трудом, поднимаю онемевшие конечности. Наконец, ухватился за край горлышка, нырнул с головой. Чувствую – лечу, переворачиваюсь, вот-вот смертельно шлёпнусь. Даже не поверил, когда туфли уперлись в дощатый пол и в полутьме я разглядел просторное кресло, а в нём милovidную женщину со спицами в руках и пушистым вязанием. «Дежурная», – догадался я. Она спрашивает:

– Стихи? Проза? Драматургия?

– Стихи, – робко отвечаю я.

– Тогда направо.

С левой стороны хлынул то ли плач, то ли стон – громкие голоса восторга и рыдания.

– Не обращайтесь внимания, – поспешила объяснить дежурная. – Законная радость. Капитана третьего ранга приняли в Союз. – Спицы

призывно сверкают, просятся в стихи. – Идите же! Советую начать с «Детской комнаты». Дверь открыта. Слышите, как работают мастера?

Бегом направляюсь к распахнутой двери, из которой дискантом вылетает вопрос: «*Что же получается?*» Следом сразу же, мощным хором, – ответ: «*Лягушка лягается!*» Хочу рассмотреть лица – не могу, вся толчаея обращена ко мне затылками – в кепочках и без – так сказать, причёски с обратной стороны. Кто-то говорит (я не вижу): «А сейчас слушаем стихи в авторском исполнении. Прошу!» Негромкий хрипловатый голос заговорил:

*Трясёт Антон антоновку,
Серёжка-друг вздыхает:
– Ну почему серёжевки
На свете не бывает!*

Грянули аплодисменты. Опять взвизывает невидимый дискант: «Это не всё! Творческое волшебство только начинается. Что мы знаем о домашних помощниках? Мягкие, лёгкие, удобные, незаменимые!.. А если их наденет директор школы? Для ребёнка – это что-то невероятное. Разве директор школы ходит в домашних тапках? Давайте стихи!» В тишине вкрадчиво зашаркали слова: *Я видел директора в тапочках!/
Он тряс во дворе половик.*

Детям и детским писателям это познавательно, интересно, а я заскучал. Дружные рукоплескания оставил позади и двинулся дальше. Над головой, на немыслимой высоте, зияет отверстие, через которое проник в таинственный, запретный для рядовых обывателей мир. Отверстие отсвечивает желтизной, напоминает луны, но сосредоточиться на сравнении не позволяет вывеска над входом – «Литературная роцца». То, что надо! Осторожно заглядываю. Помещение забито до отказа, не протиснуться. Впереди, вероятно на помосте, высокая красивая поэтесса напевно читает:

*Весна развенчивает мысль о чистоте:
Собацьи метки на газоне вместо снега...*

Восторженные аплодисменты благодарят необычайно зоркого автора, а я наивно соображаю: сколько должно быть меток, если не видно снега? Даже повеяло неприятным дворовым запахом.

На постамент восходит поэт в тёмно-зелёной гимнастёрке, грустно произносит каждое слово; в память беспрепятственно вливаются весенние образы: *Март ручьи распустил, как тесёмки кальсон,/
И в исподнем пошёл по дворам...*

Гениально! Март без штанов, в одних кальсонах, шлёпает по весенним лужам... Но где же стихи о человеке, о его жизненных делах и думах? Пойду поищу. В коридоре заметил вывеску – «Актуальные раздумья». В обширной комнате тоже не пропихнуться, но можно услышать, что-то разглядеть. А что разглядывать: поэты – обыкновенные люди: высокие и низкие, толстые и худые, лысые и кудрявые... Мне без разницы. Воспринимаю только слова, только рифмы. И сразу же, на ловца и зверь бежит: *И думалось – зачем плывём, куда?* Новый, решительный голос сбоку добавил пищу для размышлений:

*Зарифмую нашу боль,
Брошу на продажу,
Арлекин я, не король –
Разгуляюсь в раже.*

Арлекина сменила задумчивая поэтесса: *О прошлом писать не хочу,/
О завтрашнем дне – не умею...*

Честно скажу – такая нахлынула тоска, ложись и помирай. А я человек – открытый всем ветрам, нет ли чего-нибудь веселее? Опять – в коридоре, под вывеской – «Не в бровь, а в глаз». Протискиваюсь, прислушиваюсь. Посыпались находки:

*Разматюжно и нелепо
Пляшут люди у пивточки...*

Следующий автор, судя по овациям, более находчивый: *Очень долго снимаешь ты платье!.. / Двадцать лет!..*

Потянуло запахом алкоголя, как же без него: *Виноградную аллею дегустирую в стихе...*

А вот и наблюдение на пустом месте:

*Мы встретились – и ничего...
Мы разошлись – и ничего...*

Решительно направляюсь к дежурной. Спицы мелькают, а внимательные глаза устремлены на меня. «Спасибо, – говорю, – за радушный приём. Нельзя ли вернуться? Хотелось бы навестить квартиру Некрасова». – «Не торопитесь, к Некрасову всегда успеете. Вы же не заглянули к самым-самым! Не полюбовались «Поэтическим жемчугом», не побывали на Олимпе! Нехорошо».

Я устыдился, пройти мимо настоящего жемчуга – в самом деле нехорошо, как бы потом не пожалеть. Заглядываю в переполненный зал (это уже не комната!) и замираю от бешеной находки: *Пень в небо раскорячил корни...*

Не успел отдышаться, как следует осмыслить, слышу – градом летят в меня сердцебойные снаряды:

*Чревочёсы, мракомёсы, поедатели белил,
Горбуны, строфокамыли, струг с персидскою княжней...
Будь я проклят, если с вами хоть когда-нибудь делил
Это лето, это небо, этот жребий раздвижной...*

Ух, как шарахнуло! Не понял только про персидскую княжню и раздвижной жребий... Едва очухался, ударили по мне снаряды меньшей убойной силы: *И каждая собака задней лапой / Нам честь отдаёт у каждого угла!*

Следом загадочно звучит мужской голос: *Саксофон, похожий на безгрудую сирену. / Какая же сирена без груди?*

Боевой женский подголосок старается увести от «мужской» темы: *Струтся, вихрится, блудится сама, / Кудрится она, егозится зима.*

Завершает мощным ударом всё-таки мужчина: *Индюк соплями изошёл...*

Всё, с меня хватит. Это, наверное, мастерство высочайшего уровня, но как применить к себе? Если начну «кудриться», меня не поймут... Пулей вылетаю к дежурной. Она, не переставая вязать, удивляется моему нетерпению. «Нельзя же так! Вы собираетесь на вершину, но даже подножия не одолели! Оглянитесь, что там написано? «Даёшь Олимп!» Конечно же, возвращаюсь. Конечно же, согласен: нельзя игнорировать современную классику, меня засмеют.

Олимпийский зал тоже под завязку – яблоку негде упасть. Кто-то на сцене выступает – тихо, вкрадчиво:

*Есть памятник в Таврическом саду...
Есенин здесь таинственный и нежный...*

Радуюсь – это действительно классика. Даже памятник может глубоко растрогать:

*И хочется Серёгу мне обнять,
С ним водки выпить чарочку-другую...*

Верно, чарочкой с великим и начинается великое, настоящее творчество... Из зала поднимается на сцену другой счастливый поэт, звучит поистине сложное словотворчество: *Лысый пёс поведёт против нас/ Королей, офицеров и пешек...*

Стараюсь понять: лысый – о собаке? (Лысых собак не видел.) Поведёт – против кого? Как совместить лысую собаку и шахматы? Однако размышлять некогда. Следующий поэт рассуждает о жизни – как-то загадочно, лёжа на диване: *И жизнь мне кажется, когда встаю с дивана,/ Улиткой с рожками и вытекшей к тому ж...*

Страшно представить – вытекшая жизнь. Что осталось – пустая раковина? Мучительно соображаю... Не заметил, как по ступенькам поднялся новый автор и совсем уж загадочно, не по-русски заговорил: *Мой – дитя./ Мой – не мать./ Мой – не жизнь...*

Теперь-то можно закругляться. Впечатлений – выше крыши. Думаю о спасительной луне на недостижимом небосклоне, выскальзываю в коридор. Откуда-то из глубины донеслись стоны, неуверенные крики о помощи. Что случилось? Бегу! Чем могу – помогу! Но немедленной помощи не потребовалась: в пустом пространстве – милая, симпатичная, невысокая женщина средних лет, прижав к груди аккуратные ладошки, страдальчески произносит: *Ко мне убийца приходил/ С букетиком ромашки...*

Лицо открытое, почти детское, но взгляд острый, устремлён на меня, как будто именно я приходил с криминальным букетиком. Мне стало не по себе. Как в сказке, из небытия вынырнул спаситель, заслонил басом ни в чём не повинную поэтессу: *Я сам себя травлю нещадно ядом/ Искусства, равнодушного к судьбе...*

Сверху невидимый женский голос прошептал: *Кто станет плакать о тебе?/ И о себе никто не плачет...*

Как после таких откровений сохранить хорошее настроение? У меня, к сожалению, не получается. Бегу к дежурной – буду требовать эвакуации. А черноглазая (наконец-то разглядел!) вязальщица через сверкающие спицы опять укоряет:

– Как я с вами устала. В журнал заходили? В наш самый толстый? Так и знала – нет! Искать не надо, там, где автографы. Успехов!

Разволновался, постучал в дверь, сплошь расписанную автографами побывавших здесь авторов. Как и положено, за столом – хмурый, остролицый, много чего повидавший редактор. Сурово спрашивает:

– Что у вас?

– Не успел записать, – нашёлся, что ответить, и попросил: – Можно, прочитаю?

– Положено на бумаге. Ладно, если не очень длинное, послушаю.

Набираю полную грудь воздуха, читаю стихотворение о вечеринке парней и девушек, которые, вместо труда на молодёжных стройках, прожигают жизнь с вином и танцальками. Печальным аккордом завершаю:

*А розы – розы тихо умирали
В кровавой липкой лужице вина...*

Редактор мрачно покачал головой и вынес вердикт:

– Собралась молодёжь – пусть веселится. Что в этом плохого? Отдыхают по-разному. Похвально, кое-что вы подметили: вино не только кровавое, но и липкое. Прочитайте что-нибудь ещё.

– Ещё? Пожалуйста.

*Избушка лесника на сильных курьих ножках,
Открой секрет, за что тебя люблю?..*

– Достаточно, – остановил редактор. – Скажу прямо – вы не полный ноль, что-то есть, но этого мало, очень мало! До свидания. – Редактор уткнулся взглядом в разложенные на столе рукописи, а я попятился к выходу. Толкнул спиной дверь, развернулся и чуть не упал – со всех сторон колоди осуждающие глаза. Справа и слева зашуршало: «Не наш! Не наш!..» Узнал дежурную, она мягко говорит:

– Вы просились домой? Катапульта готова.

Описывать дальнейшее не имеет смысла. Вылетел, как пушечный снаряд. Пошло и поехало. Развёлся с женой, поскольку бросать северную столицу не хотела. Сел за привычную баранку. Продолжаю писать и печататься. Твёрдо для себя определил:

*Я не поэт, а просто стихотворец –
Пишу о том, что трогает меня.*

А трогает меня буквально всё – и лес, и поле, и родник, и трава-мурава. Но особенно – простой человек, его лицо, его привычки, его необозримое прошлое. Разве этого мало?..

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В рассказ вошли строчки из стихотворений Б. Куликова, Ю Синицына, М. Яснова, С. Скаченкова, С. Махотина, Т. Алфёровой, Б. Орлова, О. Левитана, В. Симакова, Н. Поляковой, В. Меньшикова, В. Тихомирова-Тихвинского, Г. Волноходца, Ю. Баладжарова, А. Мальцевой, В. Лейкина, А. Ахматова, В. Ширали, А. Благиревой, Н. Михина, Е. Раевского, А. Романова, А. Кушнера, В. Сосноры, Н. Яворской, А. Назирова, И. Моисеевой, Е. Емельянова.